

«ЧТО БЫТЬ МОГЛО, НО СТАТЬ НЕ ВОЗМОГЛО...»

Эта книга необычна. Профессиональные историки делятся с читателями мыслями об альтернативах исторического развития. Мысли эти остаются подчас не востребуемыми, таятся в уголках сознания, пока общество не потребует сказать о них открыто. Такой момент настал. Часть российского общества явно взыскует ответа на вопрос о том, что «с нами происходит»...

Необычной книге хотелось бы предпослать и не совсем привычные слова напутствия. Можно разделять или не разделять основные интенции авторов, моих коллег — все-таки альтернативная история выходит за рамки строго доказательной академической истории, — но их книга мне интересна. Более того, считаю ее полезной и для широкого круга читателей, которые могут увидеть русскую историю в контексте «упущенных возможностей».

Что же в этом интересного и полезного?

Всякая косность мысли оборачивается догмой, хуже того — идеологией, которая по природе своей не терпит разномыслия, сомнений, рефлексий. Сейчас в России вновь наступает эпоха, когда «история» становится разменной монетой в политической игре, при помощи которой государственные мужи намереваются «сплотить народ» на основе идеи «священной державы». Авторы книги продолжают начатый во времена «перестройки» и прерванный впоследствии разговор о судьбах страны, народа, государства.

Сталкиваются два несогласия «так жить». Одних пугает непредсказуемость науки, непредсказуемость личности, непредсказуемость творчества. Другим претит безжизненность схемы, самодовлеющий механизм шаблона.

Взыскующие «порядка» правы по-своему — нет уже сил просто взирать, и не видно других средств цивилизованно управиться с разгулом примитивного эгоизма в «невнятном» государстве: с двуглавым орлом, советским гимном и олигархами. Но своя правда и у тех, кто не ожидает ничего доброго от победы над эгоизмом ради «общей пользы» ценой удушения живой мысли, живого дела.

В этой ситуации не случайно возникает потребность в провоцирующей книге, смысл которой — поколебать уверенность в том, что возможно лишь одно объяснение прошлого. Нет, говорят историки, объяснений может быть больше. Хотя — и это тоже важно — существенна не только сама возможность

исторической «развилки», но и то, насколько она была осознана современниками.

Уверен, книга вызовет неоднозначное отношение читателя, потому что авторы сознательно ставят перед собой цель — возмутить обывательский уют привычных представлений, порой далеко не бесспорных. «Разве мы не страдали от монголов, от ига, и поэтому у нас не сложилась современная демократия?» — спросит иной поборник «традиции», привыкший находить в исторических событиях объяснение своей собственной отсталости. Речь, конечно, не идет о том, чтобы определить здесь и сейчас «окончательный» взгляд на факты прошлого — историки продолжают разговор о возможностях научного сомнения, прибегая к казусам альтернативы, чтобы нагляднее показать, что к истории, как и ко всему на свете, можно относиться по-разному.

Когда сегодня ставится вопрос о «воспитании историй», то хотелось бы знать, что мы стремимся воспитывать? Одни найдут в истории примеры единения ради общих интересов и вопреки мнению отдельных личностей и целых социальных слоев, другие... Весь пафос этой книги заключается в том, что должны быть «другие»: верившие, боровшиеся, часто отдававшие собственную жизнь за иное будущее своей родины; наверное, не обладавшие полнотой истины (а кто из смертных ею обладает?), но имевшие право думать иначе. Только это признание права на «инаковость» позволяет стать гражданином, для которого история страны — это не звук фанфар на юбилейных торжествах, а боль утраты, острое желание не быть отсутствующим в собственной отчизне. Не сносить молча, по выражению Н.М. Карамзина, все ее «нестроения» и несправедливости, «терпя, чего терпеть без подлости не можно».

Словом, эта книга вызовет спор, несогласие, сомнения, рефлексии. Это, я думаю, и требуется от альтернативной истории — не быть скучной, назидательной, окончательной, но встречать заинтересованный взгляд читателя беспокойством мысли, неожиданностью сравнений, порой даже рискованностью сомнений. Ради одного — пробуждать гражданский интерес к истории России. Или, по словам Карамзина, к тому, «что быть могло, но стать не возмогло...».

Андрей Юрганов